

Годъ 15-й.

Кн. LVII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1903, № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла В. Ф. Миллера

и

Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левинсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естество-
знанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1903.

по этнографіи, археологіи и антропологіи, наконецъ, статьямъ въ журналахъ, газетахъ, и прочихъ повременныхъ изданіяхъ. Все это дѣлается во всѣхъ странахъ западной Европы, также и у насъ въ Россіи, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

В. Х-на.

Основаніе Священной Бухары.

(Записано въ Бухарѣ со словъ караул-бѣги Сѣид - Бѣка. Съ таджикскаго).

На границахъ Китая было когда-то одно царство, въ которомъ властвовалъ царь Халокъ. Онъ и народъ его были невѣрные. Пылъ этотъ царь обыкновеніе: всякаго чужестранца, попадавшаго къ нему въ городъ, испытывать загадками, и если тотъ не могъ отгадать ихъ, то царь приказывалъ убивать его. И много людей погубилъ царь Халокъ такимъ образомъ, потому что никто не могъ отгадать его мудреныхъ загадокъ.

Былъ въ замкѣ Люмушк-Типа, или Люмушкінъ, гдѣ теперь стоитъ Бухара, семилѣтній мальчикъ Имâm-Козу-Ханъ, не по лѣтамъ отличавшійся умомъ и силою. Прослышалъ онъ о царѣ Халокѣ, о томъ, что много народу погубилъ тотъ невинно изъ-за того только, что люди не могли разгадать его загадокъ. Взялъ Имâm-Козу-Ханъ въ одну руку большого верблюда и явился къ царю Халоку. Доложили послѣднему о необыкновенномъ мальчикѣ, пришедшемъ съ такою странною и необычною ношею. Приказалъ царь привести его и, когда увидѣлъ, что это еще ребенокъ, рассердился и сказалъ:

— Что ты пришелъ ко мнѣ? Вѣдь ты еще дитя. Я думалъ, что явился ко мнѣ мужъ великій и бородатый.

Имâm-Козу-Ханъ, указывая на верблюда, котораго онъ держалъ въ рукѣ, сказалъ:

— О, царь, вотъ большой, котораго ты желаешь, а вотъ и тотъ— продолжалъ онъ, показывая на козла, бывшаго у него въ другой рукѣ,— у котораго такая длинная почтенная борода. Оба они отвѣчаютъ твоимъ требованіямъ о представительности. Говорить же за нихъ позволю мнѣ.

Понравилась царю рѣчь мальчика, благосклонно принявъ онъ его и сталъ задавать ему загадки, которыя тотъ тотчасъ и разгадывалъ. Восхищенный умомъ мальчика, царь сказалъ:

— Проси у меня все, чего ты хочешь: я все тебѣ дамъ!

Имâm-Козу-Ханъ отвѣчалъ:

— О, царь, дай мнѣ столько земли, сколько займетъ воловьша шкура.

Засмѣялся царь Халокъ такой наивной просьбѣ мальчика и далъ ему позволеніе взять себѣ во владѣніе землю, гдѣ онъ захочетъ. Имâm-

Козу-Ханъ разрёзалъ воловью кожу на тонкіе ремни, связалъ ихъ и приказалъ своимъ людямъ окружить ими столько земли вокругъ своего замка Люмүшкүнтъ, сколько эта кожаная тесьма могла схватить.

Такъ Имәм-Козу-Ханъ, благодаря своей мудрости, положилъ начало Бухарскому ханству.

А. Семеновъ.

Главныя основы распредѣленія земли и воды у туркменъ Закаспійской области.

Закаспійская область представляетъ собою, какъ извѣстно, громадное (въ 531738 кв. верстъ) пространство, состоящее изъ песчаныхъ безжизненныхъ пустынь и лѣсовыхъ степей. На первыхъ, кромѣ печальныхъ бархановъ и одиноко торчащихъ кустарниковъ саксаула, ничего не увидишь. Пески раскинулись и вправо, и влево, пески—назадъ, пески уходятъ и впередъ. На лѣсовыхъ же равнинахъ, если онѣ орошены, встрѣчается зелень травъ, растутъ деревья, разбросаны города и поселенія и движутся стада кочевниковъ. При недостаткѣ же орошенія и лѣсовая степь становится такою же безжизненною, какъ и песчаная пустыня. Какъ часто можно наблюдать раннею весною и осенью, послѣ дождей, обширныя лѣсовыя равнины, покрытыя ковромъ травъ и цвѣтовъ, а въ лѣтніе мѣсяцы эти спаленныя солнцемъ пространства унылы, безжизненны и почти такъ же страшны, какъ и пустыни. Поэтому вода въ этихъ странахъ—все; съ этимъ словомъ здѣсь тѣсно связано личное благосостояніе не только крупныхъ населенныхъ центровъ, но и каждаго отдѣльнаго домохозяина-земледѣльца. Ибо всюду и вездѣ здѣсь земледѣліе можетъ существовать лишь только при помощи орошенія и притомъ, за недостаточностью выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ, орошенія искусственнаго, для созданія котораго населеніе съ большою затратою труда и времени отводитъ изъ имѣющихся по близости рѣкъ, рѣчекъ, ручьевъ и родниковъ воду и распускаетъ ее при помощи громадной сѣти канавъ и подземныхъ каналовъ по землямъ, предназначеннымъ для посѣва.

Поэтому въ настоящемъ сообщеніи, говоря о землепользованіи, мы попутно коснемся и водопользованія, такъ какъ разграничить одно отъ другого невозможно.

Всѣ обрабатываемыя туркменами земли двухъ родовъ: такъ называемыя «мюльковыя» и «санашиковыя»¹⁾. Первые суть тѣ, кои въ владѣютъ на правахъ личной собственности, а вторые находятся въ общин-

¹⁾ Первое слово происходитъ отъ арабскаго *мулк*—собственность, владѣніе.

Второе слово—отъ туркменско-азербиджанскаго отглагольнаго существительнаго *санашик*—счетъ, совокупность многихъ предметовъ (отъ глагола *санамаиш*, что значитъ *считать, исчислять*).

номъ владѣніи. То же слѣдуетъ сказать и о водопользованіи; оно также двухъ родовъ: мюльковое и санашиковое.

Происхожденіе того и другого земле-водопользованія слѣдующее.

Каждый туркменъ, имѣющій свой дворовый участокъ земли, на которомъ стоитъ его жилище и находится садъ, виноградники и посѣяны овощи, владѣетъ этимъ участкомъ на правахъ личной собственности, т. е. мюлька. Для орошенія такихъ усадебныхъ участковъ, обыкновенно отъ общей воды, находящейся во владѣніи всего селенія, отдѣляется особая канава (иногда нѣсколько), по которой и располагаются всѣ мюльковые участки. Обычный, такъ сказать, узаконенный, размѣръ мюльковъ не существуетъ: все зависитъ отъ того, кому какой величины участокъ достался по наслѣдству. Въ среднемъ же величина мюльковъ колеблется между 1 и 6 «танапами»¹⁾.

Въ вопросѣ о правахъ собственности на каждый мюлькъ не вездѣ существуютъ одинаковыя, выработанныя исконнымъ обычаемъ, руководящія указанія. Именно: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ и частью въ Мервскомъ и въ другихъ районахъ, мюльки и орошающая ихъ вода могутъ быть проданы или подарены владѣльцемъ ихъ другому лицу, т. е. ими можно распоряжаться, какъ полною собственностью. Въ другихъ же мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ большей части Мервскаго оазиса, мюльковые участки рассматриваются какъ общественная собственность и даются членамъ того или другого рода или группы лишь въ пожизненное владѣніе, а послѣ смерти владѣльца снова переходятъ въ собственность общества. Но при этомъ часто случается, что на мюлькахъ ихъ владѣльцы разводятъ фруктовые сады и виноградники и возводятъ постройки, т. е. затрачиваютъ массу труда и времени на приведеніе своего участка въ болѣе или менѣе цвѣтущій видъ; въ виду этого общество предоставляетъ право ближайшимъ родственникамъ умершаго мюльковладѣльца получить такіе участки въ мюлькъ. Если же наслѣдники и безъ того владѣютъ мюльками, то предоставляется право промѣнять послѣдніе на болѣе лучшій ихъ умершаго родственника.

Преимущество въ наслѣдованіи мюлькомъ и мюльковой водою предоставляется всегда младшимъ сыновьямъ, не женатымъ или поздно женившимся, или незамужнимъ дочерямъ умершаго. Причемъ, если послѣднія выходятъ замужъ, то участки у нихъ отбираются. За неимѣніемъ сыновей или дочерей право на оставшійся мюлькъ имѣютъ слѣдующіе ближайшіе родственники наслѣдодателя. При отсутствіи же наслѣдниковъ общество отдаетъ мюльки, обыкновенно по жребію, кому либо изъ своихъ сородичей или оставляетъ въ общественномъ пользованіи, сдавая ихъ

¹⁾ Отъ арабскаго *Танаб*—веревка. Такъ въ средней Азіи называется особая мѣра для площадей земли; въ различныхъ мѣстахъ она различна. Въ Закаспійской же области равна почти $\frac{1}{6}$ десятины.—Возможно, что во времена арабскаго владычества въ Средней Азіи участки земли измѣрялись при помощи опредѣленной длины веревки, откуда произошло и самое названіе единицы мѣры для площадей „танаб“, или „танап“.

въ аренду. Каждому владѣльцу доставшагося ему мюлька принадлежит лишь неотъемлемое право или самому обрабатывать свой участокъ, или сдать его въ аренду, продавать же никто не имѣетъ права.

Отличіе *санашиковаго* землевладѣнія отъ мюльковаго состоитъ въ томъ, что общественныя земли находятся вдали отъ мюльковыхъ участковъ и предназначаются для посѣва злаковъ, хлопка и бахчей; составляя собственность всего селенія или рода, онѣ не подлежатъ отчужденію (мюльки могутъ быть отчуждаемы) и каждый годъ распределяются между членами общества, причемъ каждый, получившій надѣлъ, можетъ сдать его въ аренду другому до слѣдующаго передѣла земли. Надѣлъ, отобранный почему либо у одного изъ членовъ общества, поступаетъ въ распоряженіе всего общества, владѣющаго санашиковой землей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (какъ, наприм., въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ) необходимость надѣлять дворовыми участками выдѣленныхъ изъ семьи новоженцовъ и другихъ кибитковладѣльцевъ заставляетъ общество превращать санашиковую землю,—часть, а иногда и всѣ,—въ мюльковыя. Въ этомъ случаѣ земля дѣлится на отдѣльные равныя участки, которые по жребію и распределяются между новоженцами.

Отъ расположенія земельныхъ участковъ, какъ мюльковыхъ, такъ и санашиковыхъ, зависитъ и положеніе оросительныхъ канавъ (называемыхъ у туркменъ «ябами»), т. е. ихъ направленіе и устройство.

Для орошенія усадебныхъ (мюльковыхъ) участковъ проводится отдѣльная канава на болѣе или менѣе продолжительное время, именно: гдѣ на мюлькахъ находятся глинобитныя постройки и разбиты сады, оросительныя канавы постоянны, но тамъ, гдѣ селеніе долго не заскивается на мѣстѣ и черезъ извѣстный промежутокъ времени переноситъ свои кибитки въ другое мѣсто,—забрасываются и прежнія «ябы».

Способъ полученія общественной (санашиковой) воды жителями того или другого селенія состоитъ въ слѣдующемъ.

Пересчитываютъ всѣхъ, имѣющихъ право на долю воды, а таковыми считаются: всѣ женатыя мужчины, сироты, лишившіеся отца, вдовы, живущія не при дѣтяхъ, имѣющихъ воду, и женатыя пришельцы, поселившіеся въ селеніи по пріемному приговору. Затѣмъ прибавляютъ къ этому числу тѣ доли воды, кои жертвуются обществомъ на благотворительныя дѣла¹⁾, и слѣдуютъ на вознагражденіе мѣстнымъ деревенскимъ властямъ, при избыткѣ же воды сюда причисляютъ и ту воду, которую желаютъ сдать въ аренду.

Всѣ, имѣющіе получить воду, получаютъ равныя ея доли, называемыя «су». Для примѣра допустимъ, что въ селеніи число всѣхъ «су» (т. е. участниковъ въ дѣлѣ воды) 240, каждый изъ нихъ долженъ пользоваться своею долею воды въ сутки опредѣленное количество времени. Но при отсутствіи у туркменъ часовъ, наконецъ при невозможности

¹⁾ Напр. въ Чинкшларскомъ приставствѣ, Красноводскаго уѣзда, существуетъ Худай-пай и «Аулие-пай» воды, который отдается бѣднымъ, чтобы они молились объ урожаѣ и благополучіи всего «обѣ» (селенія).

водопользованія минутами вообще (24 часа или 1440 минутъ слѣдуетъ раздѣлить на 240—число всѣхъ «су»), отдѣльныя «су» группируются въ артели, наприм., хотя бы въ данномъ случаѣ, на 10 артелей, по 24 человекъ въ каждой, и соглашаются получать воду не по часамъ, а посуточно, т. е. одиѣ сутки получаетъ воду одна артель, другія—другая и т. д., пока всѣ десять артелей не получатъ *полностью суточной доли* воды всей канавы селенія. Слѣдовательно, каждая партія въ данномъ случаѣ получаетъ свою долю воды для орошенія черезъ десять сутокъ. Такая группировка участниковъ водовладѣнія въ артели называется «саркаръмъ»¹⁾, иначе говоря, «саркаръ» есть суточная очередь пользования нѣсколькихъ лицъ всею водою оросительнаго источника или канала. Половины «саркара», т. е. дневныя и ночныя очереди поливковъ, называются «келемѣ». Относительно пользованія «келемѣ» артель сговаривается заранее: если, напримѣръ, одна половина артели полила свои участки днемъ, то другой предоставляется право сдѣлать то же ночью. Само собою разумѣется, что части воды, выпадающія на долю каждого участника въ дѣленіи послѣдней, не каждый годъ и не вездѣ представляются величиною опредѣленною. Чѣмъ больше воды въ каналѣ или источникѣ, или чѣмъ меньше лицъ, пользующихся водою, тѣмъ больше доли послѣдней, поэтому въ однихъ «обѣ» каждый участникъ водопользованія можетъ оросить своимъ «су» $\frac{1}{2}$ —1 танапъ, а въ другихъ—4—7 танаповъ земли.

Санашиковая вода никоимъ образомъ не можетъ быть отчуждена другому лицу: она можетъ быть отдана только въ аренду до слѣдующаго раздѣла санашика. Въ случаѣ отобранія отъ владѣльца, она опять поступаетъ въ общее пользованіе всѣхъ соучастниковъ санашиковой воды. Всякій туркменъ, надѣленный общественною водою и выдѣленный въ отдѣльную кибитку, обязанъ платить государственную подать и нести всѣ натуральныя повинности. Очень многія лица въ селеніяхъ съ санашиковой водою, не имѣя почему либо возможности обрабатывать землю, отдаютъ послѣднюю вмѣстѣ съ доставшеюся имъ долею воды, въ аренду до слѣдующаго дѣлежа санашика, причемъ годовая арендная плата за одну су колеблется, смотря по мѣстности, отъ 5 до 20 рублей.

Для завѣдыванія водою въ каждомъ обѣ назначаются особые выборные, называемые «мирабами»²⁾, на обязанности которыхъ лежитъ надзоръ за правильностью распределенія воды между населеніемъ, за ежегодной чисткой канавъ и за цѣлостію дамбъ. Кромѣ главныхъ мирабовъ всего яба, каждая изъ второстепенныхъ, отдѣляющихся отъ главной, канавъ (инчѣ-яб) имѣетъ своего мираба, районъ котораго раздѣленъ на группы надѣловъ (пайкалы³⁾, принадлежащихъ каждой опредѣленному числу до-

1) Отъ персидскаго *sarokâr*—часть, доля.

2) Слово *мираб* составлено изъ двухъ словъ: арабскаго *мир*—глава, начальникъ и персидскаго *âb*—вода, и позаимствовано туркменами у персіянъ.

3) Отъ глагола *пайламак*—дѣлить на части, отглагольное существительное.

мохозяевъ. За распредѣленіемъ воды въ саркарствѣ слѣдятъ выборные «саркар-баши» и «кеleme баши», или «айтлык (адлыкъ) -баши»¹⁾.

Всѣ эти лица могутъ быть избираемы неограниченное число разъ и очень многія изъ нихъ по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ занимаютъ свои должности. За свой трудъ они получаютъ вознагражденіе или долями воды (су), или зерномъ, или деньгами, смотря по мѣстности.

Таковъ въ общихъ чертахъ принципъ распредѣленія земли-воды у туркменъ Закаспійской области. Болѣе детальное знакомство съ вопросомъ мѣстнаго земле-водопользованія представляетъ намъ сложную, выработанную долготѣннымъ опытомъ, картину, на общемъ фонѣ которой такъ часто замѣчаются темныя пятна—это безчисленные и безконечные споры и тяжбы изъ-за воды различныхъ каризовъ²⁾ и источниковъ; этими тяжбами завалены уѣздные начальники, каризные суды, Чрезвычайный Сѣздъ Народныхъ Судей и канцелярія Начальника области, и многотѣней упорной враждѣ многихъ туземныхъ Капулетти и Монтеки изъ-за драгоценной влаги не предвидится конца.

А Семеновъ.

Зырянская легенда о памѣ Шипичѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію легенды о памѣ Шипичѣ, я считаю необходимымъ пояснить значеніе слова «памъ», а также сказать нѣсколько словъ о личности Шипичи и отношеніи къ нему зырянъ.

Въ изслѣдованіяхъ этнографа Попова мы находимъ слово «памъ». Но значеніе, приданное этому слову, нельзя считать правильнымъ. Поповъ называетъ Паму, жрецомъ бога Юмы, причемъ Юма, по его словамъ, олицетворяетъ собою злую и хитрую бабу. Насколько я знаю, бога Юмы въ настоящее время въ представленіи зырянъ совершенно не существуетъ, по крайней мѣрѣ о немъ не осталось ни одной легенды. Только около Усть-Сысольска я слышалъ это имя на ряду со сказками о Ерусланѣ Лазаревичѣ, Полканѣ и другими, въ которыхъ видное мѣсто играетъ баба-яга. Вѣроятно подъ вліяніемъ этихъ сказокъ баба-яга появилась у зырянъ, гдѣ получила имя Юмы.

Памомъ, по мнѣнію зырянъ, называется человекъ, обладающій громадной силой воли, могущій повелѣвать стихіями и лѣсными людьми; кромѣ того этотъ человекъ обладаетъ хорошими душевными качествами; его энергія, его познанія уходятъ на борьбу съ врагами зырянъ. Однимъ изъ такихъ памовъ былъ человекъ, по имени «Шипича». О немъ есть легенда. Интересно, что существуетъ много варіацій этой легенды, но еще

¹⁾ Слово *кеleme-баши*—арабско-тюркское, *атлык (адлыкъ)-баши* тюркское, оба слова означаютъ одно начальникъ слова, приказанія или условности (при распредѣленіи воды).

²⁾ Иначе *кяхриз* (отъ персидск. *kāriz*)—подземный каналъ, водопроводъ.

Годъ 11-й.

Кн. XLII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1899, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левисонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естество-
знанія въ Москвѣ, Петровка, д. 22.

1899.

Отношенія къ дѣтямъ у горныхъ таджиковъ.

Нигдѣ, кажется, дѣти не пользуются такимъ попеченіемъ и внимательностью, какъ у горцевъ-таджиковъ. Чадолубіе вообще присуще всѣмъ среднеазиатскимъ таджикамъ; всюду дѣти у нихъ составляютъ предметъ особенно нѣжной любви, которая въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ у равнинныхъ обитателей заходитъ иногда даже за предѣлы приличія. Но дѣти-горцы, живущіе въ патріархальной неспорченной средѣ своихъ отцовъ, пользуются особенно нѣжною любовью и привязанностью своихъ родителей и окружающихъ ихъ взрослыхъ. Дѣтей ласкаютъ, нѣжать и при первой возможности спѣшатъ ихъ хоть чѣмъ-нибудь порадовать. Ихъ не бьютъ, не наказываютъ и даже дать небольшой щелчокъ или подзатыльникъ считается позоромъ. Да и какъ не ласкать, не любить малютокъ горцу-таджику, если съ момента зачатія до наступленія совершеннолѣтія дѣтская жизнь туземца ужъ много сотенъ лѣтъ окружается цѣлымъ рядомъ легендъ и повѣрій, иногда наивныхъ и трогательныхъ по своей простотѣ.

Когда еще ребенокъ находится въ утробѣ матери, о немъ печется самъ Промыслитель „Худо“, который даетъ ему умъ, дыханье и жизнь и посылаетъ къ нему, еще не родившемуся, ангела, который даетъ ребенку глаза, языкъ и питаетъ его все время до появленія на свѣтъ. По смерти же малютки въ первое время по рожденіи этотъ ангелъ, его питатель, беретъ его душу и несетъ къ „Худо“, который и помѣщаетъ ее съ прочими душами младенцевъ въ самомъ прекрасномъ мѣстѣ рая. По первому моменту появленія ребенка на свѣтъ судятъ о всей его послѣдующей жизни. Если дитя родилось съ крикомъ или же въ сорочкѣ,—значить, въ жизни онъ будетъ счастливъ и уменъ; если же при рожденіи ребенокъ молчалъ, стало-быть въ дальнѣйшей жизни онъ будетъ несчастливъ и вдобавокъ недалекъ. Почти тотчасъ же по-

рожденіи ребенка обмываютъ и завертываютъ въ кусокъ хлопчатобумажной ткани своего издѣлія. Мѣстомъ пребыванія новорожденного до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ въ состояніи ходить, служитъ деревянная колыбель („говора“), на которую сверху набрасываютъ пологъ. Эта колыбель очень низка и нѣсколько напоминаетъ наши дѣтскія качалки.

Уходъ за новорожденнымъ и кормленіе ребенка составляютъ самую главную заботу туземной женщины. Она отдаетъ дѣтямъ все свои силы, здоровье и молодость; цѣлые дни она проводитъ у крохотной постельки своего малютки, укачиваетъ его, заботливо поправляетъ, осыпаетъ его милліонами поцѣлуевъ и называетъ самыми разнообразными ласкательными именами, какія только можетъ подсказать ея безгранично-любящее материнское сердце. Въ первое время по рожденіи надзоръ за младенцемъ бываетъ особенно бдѣтеленъ. Долго ли сдѣлать его калѣкой на всю жизнь?

На землѣ живутъ добрые духи „пари“ и много злыхъ съ разными названіями, изъ нихъ особенно страшны „дэвы“ и „шайтаны“. Какъ „шайтаны“ и „дэвы“, такъ и „пари“ могутъ причинить ребенку зло. Первые могутъ его похитить и унести безвозвратно, „пари“, хоть и добрый геній таджика, тоже иногда не прочь жестоко пошутить надъ новорожденнымъ. Пользуясь отсутствіемъ при немъ людей, „пари“ заглядываетъ въ дѣтскую колыбель, ударяетъ ребенка по какой-либо части тѣла, отчего происходятъ увѣчья тѣхъ или другихъ членовъ, напримѣръ: отнимается рука, нога, появляется горбъ, перекашивается ротъ, бываютъ пораненія и т. д. По сну младенца мать судитъ о томъ, что ея дорогое дитя видитъ во снѣ. Если ребенокъ смѣется, то, стало быть, ему снится кто либо изъ небожителей или добрыхъ духовъ. Если же онъ плачетъ, то это означаетъ, что дитя боится злобнаго дэва или шайтана, котораго онъ увидалъ во снѣ. И по этой причинѣ, изъ боязни различныхъ дурныхъ послѣдствій, мать еще болѣе ревностно смотритъ за своимъ ребенкомъ, никуда не отлучаясь отъ его колыбели и всюду таская его за собою. Какъ часто можно наблюдать въ садахъ и огородахъ горныхъ кишлаковъ женщинъ, занятыхъ какою либо работою—сборомъ овощей, подчисткою деревьевъ и проч.—и подлѣ многихъ изъ нихъ стоятъ колыбели съ дѣтьми. Оставить дома маленькаго ребенка, на попеченіе чужихъ таджичка никогда не рѣшится.

Дѣти—это великая награда за всю тяжелую трудовую жизнь туземной женщины, единственная отрада за тѣ невзгоды и неприятности, которыми такъ полно ея существованіе, и любовь къ дѣтямъ и безграничное желаніе имѣть ихъ такъ велики у каждой туземки, что если дѣти умираютъ, то для предотвращения этого беременная женщина тайно идетъ къ муллѣ. Тотъ за извѣстный подарокъ читаетъ надъ тряпкою, палкою, костью или иною какою-либо вещью извѣстное заклинаніе или молитву, потомъ отдаетъ наговорный предметъ пришедшей женщинѣ. Она бережно прячетъ его и при первомъ удобномъ случаѣ кидаетъ наговоръ къ дому того сосѣда, у котораго много дѣтей, въ надеждѣ, что теперь смерть минуетъ будущее ея дѣтище и унесетъ дитя сосѣда.

Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, гдѣ сохранились еще кое-какіе остатки магенизма, таджичка беретъ лоскутъ какой либо ткани и идетъ съ нимъ къ священному дереву обѣтовъ. Здѣсь она привязываетъ тряпицу на одну изъ вѣтвей и, произнеся горячую молитву Худо, даетъ при этомъ клятву, что если Богъ-Творецъ исполнить ея мольбу и желаніе—ея ребенокъ не умретъ,—то она поставитъ столько-то зажженныхъ свѣчей въ углубленіи священнаго камня, который обыкновенно находится подлѣ мечети или въ старомъ мазарѣ.

Когда дитя подростетъ и начнетъ ходить,—это, приблизительно, бываетъ на второмъ году,—ему впервые брѣютъ или просто коротко стригутъ волосы. Эта операція происходитъ обыкновенно безъ всякихъ церемоній. Потомъ лѣтъ до 7—10 волосы стригутся довольно аккуратно, но мальчикамъ въ это время не полагается еще носить „токи“ (ермолки). Происходитъ ли это отъ крайней бѣдности таджика, у котораго подчасъ у самого не бываетъ на головѣ ничего, или же, просто, не принято,—не знаю. Дѣвочкамъ послѣ первой стрижки больше не стригутъ волосъ; когда послѣдніе отрастутъ, ихъ заплетаютъ въ двѣ косы по обѣимъ сторонамъ головки. Иногда болѣе зажиточные родители при этомъ вплетаютъ въ косу малютки какую-нибудь ленту или, просто, полоску окрашенной хлопчато-бумажной ткани. Въ такомъ возрастѣ мать нерѣдко надѣваетъ на шею своей дѣвочки свое ожерелье изъ мелкихъ полированныхъ камней или простыхъ стеклянныхъ бусъ. Это считается необыкновеннымъ щегольствомъ. Когда ребенокъ начнетъ ходить, его освобождаютъ отъ того тряпья, въ которое онъ за-

вернуть, и впервые надѣваютъ на него длинную, доходящую до лодыжекъ, рубашку. Этотъ костюмъ обыкновенно одинъ на годъ и на два, словомъ, какъ износится; другая рубашка для смѣны по бѣдности не полагается. Нужно ли при этомъ добавлять, что грязь и засаленность дѣтской рубашки превосходятъ всякое вѣроятіе?

Съ того момента, какъ ребенокъ уже въ состояніи ходить, къ нему на всю жизнь Худо приставляетъ двухъ ангеловъ, они незримо для людей сидятъ на плечахъ каждого человѣка и охраняютъ его отъ всего злого, дурного и предостерегаютъ его отъ порочной жизни. Дитя находится подъ ихъ непосредственнымъ покровительствомъ и охраною. Эти два небожителя строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ребенку жилось, по возможности, хорошо, и никто бы его не обижалъ, въ противномъ случаѣ жалуются Худо, и тотъ строго караетъ виновнаго. Когда дитя умираетъ, два ангела-хранителя берутъ его душу и несутъ на небо по свѣтлой дорогѣ всѣхъ праведниковъ и добродѣтельныхъ людей. Въ звѣздныя ясныя ночи этотъ небесный путь умершихъ дѣтей и святыхъ всякій можетъ наблюдать; у нѣкоторыхъ горцевъ таджиковъ онъ такъ и называется „дорога ко Всевышнему“ (рои-балешу Худо) у насъ же—„Млечный путь“.

Въ возрастѣ до 10 лѣтъ дѣти пользуются особенною любовью родителей и окружающихъ ихъ взрослыхъ. Отцы во время отдыха отъ работъ находятъ покой и развлеченіе въ кругу дѣтей. И по кишлакамъ часто можно видѣть, особенно подъ вечеръ, какъ партіи мужчинъ сидятъ подъ тѣнью какого-нибудь дерева, окруженные дѣтворомъ; особенно маленькія дѣти сидятъ на колѣняхъ, часто по-двое, по-трое. Мозолистыя, загорѣлыя руки отцовъ съ необыкновенною нѣжностью и любовью ласкаютъ эти черныя и блѣлокурыя головки и грязныя, испачканныя личики, и подъ дѣтскій лепетъ и ласки таджикъ забываетъ всѣ свои невзгоды и тяжелую бѣдность. На вопросъ, сколько у него дѣтей, горецъ всегда вамъ отвѣтитъ на это съ какою-то внутреннею радостью, что дѣтей у него столько-то, и при этомъ всегда раздѣлитъ ихъ, назвавъ мальчиковъ отдѣльно отъ дѣвочекъ. При этихъ, словахъ: столько-то „бача“ (мальчикъ), столько-то „духтаръ“ (дѣвочка), лицо горца складывается въ самую сладкую улыбку. Самое лучшее лакомство, которое только можно достать, горецъ-таджикъ никогда не станетъ ѣсть самъ, а всегда отдаетъ своимъ дѣтямъ. Каждый горецъ,

котораго судьба занесетъ въ города равнины (Самаркандъ, Кокандъ и друг.), считаетъ своимъ долгомъ принести на родину не только своимъ дѣтямъ, но и постороннимъ хоть что-нибудь-такое, что могло бы ихъ обрадовать. Человѣкъ, не любящій дѣтей, едва ли найдется въ горныхъ кишлакахъ: на него стали бы смотрѣть съ отвращеніемъ и даже съ ужасомъ. Часто можно слышать въ горахъ фразу, что кто дѣтей не любитъ, того и Худо не любитъ и постоянно наказываетъ его, ни въ чемъ не давая удачи. Горецъ-таджикъ смотритъ на ребенка, какъ на даръ божій, какъ на самое чистое проявленіе божества; въ немъ онъ видитъ все лучшее въ своей жизни, всю отраду и надежду. Ласкать и баловать дѣтей—святая обязанность не только каждой матери, но и каждого мужчины. Всякое жестокое обращеніе съ маленькими дѣтьми способно вызвать горькія слезы у взрослыхъ. У заѣзжаго чужестранца таджикъ съ трогательными просьбами выпрашиваетъ хоть какую-нибудь бездѣлушку или кусокъ сахара, только бы отнести своимъ „бача“ или „духтаръ“. При отказѣ онъ будетъ молить васъ, выпрашивать и для большаго состраданія путешественника ведетъ и несетъ къ нему дѣтвору. И надо видѣть его радость, если дѣти получаютъ какое-либо лакомство или ничтожный подарокъ: таджикъ съ неподдѣльной искренностью благодаритъ дающаго и призываетъ на него всѣ благословенія Худо и всякія пожеланія земныхъ и будущихъ благъ. „Кто любитъ дѣтей, у того сердце чистое, незапятнанное ничѣмъ“, говорятъ горцы. И изъ подобнаго воззрѣнія на подростающее поколѣніе нерѣдко происходятъ такія явленія: умираетъ отецъ и мать, послѣ нихъ остаются круглыми сиротами ихъ дѣти; въ другомъ бы мѣстѣ они, пожалуй пошли бы по міру или бы разбрелись по нѣсколькимъ домамъ чужихъ людей, гдѣ и влачили бы жалкую, скорбную жизнь безпріютныхъ сиротъ; у таджиковъ же этого почти никогда не случается. Сиротъ всегда беретъ на свое попеченіе ближайшій родственникъ и воспитываетъ ихъ наравнѣ со своими дѣтьми, при этомъ любви къ нимъ бываетъ еще больше, чѣмъ къ своимъ дѣтямъ. „Они сироты, не имѣютъ ни отца, ни матери, грѣхъ не заботиться о нихъ“, говорятъ окружающіе. Помню, какъ въ одномъ дарвазскомъ кишлакѣ пришлось встрѣтить одного туземца, у котораго было своихъ 5 человѣкъ дѣтей и, кромѣ того, онъ воспитывалъ еще 4 своихъ племянниковъ, остав-

шихся послѣ смерти его брата. При этомъ, когда приходилось раздавать дѣтямъ леденецъ и разные сласти, этотъ таджикъ просилъ дать побольше сиротамъ; „модар надѡра, падар надѡра“ (ни отца, ни матери не имѣютъ) добавлялъ онъ всякій разъ, глядя грязныя головки сиротъ. Девять человѣкъ дѣтей всюду обуза порядочная, но въ горахъ Центральной Азіи, среди страшной окружающей бѣдности, прямо таки удивительно, какъ ухитряется туземецъ прокормить столько ртовъ и такъ нѣжно заботиться о нихъ. Въ крайнихъ случаяхъ, когда по смерти родителей дѣти остаются совсѣмъ безпріютными, не имѣя никого родственниковъ, ихъ кормить и воспитываетъ все селеніе сообща до самаго ихъ совершеннолѣтія, причѣмъ, если сирота—дѣвушка, ее выдаютъ замужъ всѣмъ кишлакомъ, если же это мужчина, то съ момента совершеннолѣтія, его земляки перестаютъ заботиться о немъ и предоставляютъ его своему собственному усмотрѣнію.

На третьемъ или на четвертомъ году оканчивается кормленіе ребенка грудью. Послѣ этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дарваза и Каратегина дѣтямъ для праздничныхъ дней болѣе зажиточные родители дѣлаютъ рубашки изъ бѣлой хлопчато-бумажной ткани, рукава и вороты которыхъ украшаются оторочками изъ небольшихъ перламутровыхъ кружковъ, покрытыхъ различными рѣзными узорами. Это называется по мѣстному „садаф“, по имени вообще жемчужныхъ раковинъ, которыя встрѣчаются въ верхнемъ теченіи Аму и въ нѣкоторыхъ ея притокахъ правой стороны. Въ этихъ лѣтахъ на дѣвочекъ впервые надѣваютъ шальвары и въ большинствѣ случаевъ въ уши вставляютъ серьги. Въ возрастѣ отъ 6 до 10 лѣтъ надъ мальчиками производится обрѣзаніе („чукборони“). Въ назначенный день родители приглашаютъ мастера этого дѣла („усто“)—обыкновенно кого-либо изъ мѣстныхъ жителей, постоянно производящаго эту операцію, и, если имѣютъ достатокъ, сзываютъ много гостей и всѣхъ тѣхъ мужчинъ кишлака, которые имѣютъ лошадей. Когда явится „усто“ и соберутся гости, начинается угощеніе: появляются неизбежныя—пловъ, кебобъ „тухм-буріонъ“ (жаренныя яйца въ маслѣ), вареное мясо, „шурбо“ (супъ) и проч. туземныя кушанья. Во время пира конные тѣшатся извѣстною игрою „бузкаши“—разрываніе козла,—котораго имъ жертвуетъ отецъ мальчика. Послѣ пира и окончанія игры происходитъ самое „чукборони“. Мальчика кладутъ навзничъ и дер-

жать его по рукамъ и ногамъ; мастеръ беретъ короткую камышевую палочку, расщепленную съ одного конца. Въ этотъ расщепъ зажимается крайняя плоть, такъ что ея верхняя часть нѣсколько выдается изъ расщепа наружу. Туго сдавивъ камышъ, „усто“ быстро срѣзаетъ острымъ ножомъ или бритвой выдавшуюся въ верхъ кожицу. При этомъ, чтобы унять кровь, на рану сейчасъ же накладывается зажженная вата. Этимъ и заканчивается операція.

Послѣ обряда обрѣзанія мальчику дается лукъ и деревянныя стрѣлы. Онъ, такъ сказать, съ этого момента начинаетъ готовиться быть мужемъ и воиномъ. Стрѣльбѣ изъ лука его учатъ отецъ или же болѣе старшіе сверстники. Отъ прежнихъ малолѣтнихъ своихъ товарищей мальчикъ ужъ отдѣляется и примыкаетъ къ болѣе старшимъ. Стрѣльба изъ лука составляетъ одну изъ самыхъ любимѣйшихъ дѣтскихъ занятій въ горахъ. Кромѣ этого едва ли даже существуютъ какія либо игры у большинства туземныхъ мальчиковъ. Съ луками въ рукахъ партіи дѣтей рѣзвятся подѣтнью исполинскихъ карагачей, чинаръ и широколиственныхъ платановъ, забавляются стрѣльбою въ птицъ, въ стволы деревь и проч. Эти небольшіе дѣтскіе отряды можно видѣть играющими и за кишлаками въ лугахъ, и при дорогахъ, и на скатахъ горъ. Самый старшій изъ нихъ обыкновенно является предводителемъ, его слушаются и ему повинуются всѣ остальные дѣти. При этомъ нельзя удержаться отъ улыбки, когда, проѣзжая, видишь, что самыя маленькія дѣти не обращаютъ на тебя никакого вниманія и безпечно роются гдѣ нибудь въ пескѣ или на берегу какого либо ручья, тогда какъ болѣе взрослые, завидя незнакомца, выстраиваются при дорогѣ или гдѣ нибудь въ сторонѣ и молча провожаютъ долгимъ серьезнымъ взглядомъ. Въ нѣкоторыхъ уголкахъ горныхъ трущобъ встрѣчаются партіи дѣтей, которыя напоминаютъ своимъ видомъ что-то первобытное. На этихъ маленькихъ воинахъ обыкновенно ничего не надѣто, за исключеніемъ только волчьей шкуры, которая наброшена на плечи, и кожаного передника; на ногахъ, и головѣ ничего нѣтъ. Съ луками въ рукахъ эти полуголыя дѣти имѣютъ какой-то крайне дикій и воинственный видъ. Тѣмъ болѣе странно видѣть полуголыми почти взрослыхъ дѣтей, что 3—4 лѣтнія малютки, которыя бѣгаютъ здѣсь, имѣютъ на себѣ хоть какія-нибудь рубашонки. Спросите любого изъ такихъ

подростковъ, почему онъ такъ жалко одѣтъ, вы всегда услышите одинъ простодушный отвѣтъ: „лабосо надѣрум“ (платья не имѣю). Малышей хоть какъ нибудь, въ ущербъ иногда себѣ, родители стараются прикрыть какою-нибудь рубашкою, такъ какъ безъ одежды они легко могутъ простудиться по слабости организма, а эти болѣе взрослые и потому, какъ ихъ ни жалко, по бѣдности приходится положиться на волю Худо, авось они вытерпятъ и не простудятся.

Само сабою понятно, причина такого отношенія къ подросткамъ крестя не въ скупости горца-таджика, который для дѣтей ничего не пожалѣетъ, а въ его бѣдности. Хлопокъ, засѣваемый въ горахъ въ большомъ количествѣ и то только тамъ, гдѣ его позволяетъ разводить климатъ, не удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ населенія, и потому горцы вынуждены покупать ткани или хлопчато-бумажную пряжу въ городахъ, отдавая за это различныя свои незатѣйливыя произведенія и скоть. Глядя на этихъ до нельзя оборванныхъ, полуголыхъ дѣтей, прикрытыхъ грязными, страшно засаленными лохмотьями, невольно думается, какую бы могли сослужить драгоцѣнную службу волокна конопли и кунджута, которыя здѣсь засѣваются только изъ-за масла. Но, къ сожалѣнію, эти растенія другого примѣненія въ горахъ не имѣютъ, кромѣ упомянутого. Въ праздничные дни,—а такими бываютъ: Новрузъ (новый годъ, 8 марта) и Курбанъ Байрамъ,—дѣтей наряжаютъ или, вѣрнѣе, надѣваютъ на нихъ чистыя рубашки. Кромѣ того въ день Нов-руза наравнѣ съ взрослыми имъ красятъ хеною ногти рукъ, ногъ и концы пальцевъ. Волосы, какъ у персіянъ, въ Средней Азіи никогда не красятся. Хена, по мнѣнію таджиковъ, обладаетъ свойствомъ укрѣплять ногти и придаетъ имъ красивый изгибъ и гладкость; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Каратегина и Дарваза хену употребляютъ не только въ день Нов-руза, но и въ другіе праздники въ году, причемъ дѣтямъ красятъ кромѣ того подошвы ногъ. Это дѣлается, по мнѣнію туземцевъ, кожу на подошвахъ твердою и нечувствительною, что очень важно, если принять во вниманіе постоянную ходьбу дѣтей по гористой мѣстности и острымъ камнямъ.

Желая хоть чѣмъ нибудь порадовать своихъ дѣтей въ торжественные дни, родители наканунѣ окрашиваютъ лица, часть отдаютъ дѣтямъ, часть оставляютъ у себя. Нечего и говорить, что радость

дѣтей въ такіе дни бываетъ безмѣрна. Да и мудро ли, если такое счастье выпадаетъ имъ въ году только разъ или два! И маленький горецъ всегда съ затаенною радостью и пѣкотою тревогою передъ праздниками спрашиваетъ своихъ родителей, много ли будутъ красить яицъ и какихъ больше, красныхъ или желтыхъ (окрашиваютъ только въ эти два цвѣта). Въ самый день праздника, особенно если это бываетъ весною или лѣтомъ, весь кишлакъ выходитъ на улицу: взрослые, здороваясь другъ съ другомъ, обмѣниваются крашеными яйцами, а дѣти въ чистыхъ рубашонкахъ, съ выбритыми или стриженными головками, бережно прижимая къ груди такія же яйца, съ ликующимъ видомъ спѣшатъ подъ тѣнь деревъ, на зеленѣющіе берега ручьевъ, гдѣ всѣ вмѣстѣ, дѣвочки и мальчики, такъ же, какъ и у насъ на Пасху, начинаютъ катать яйца. И въ этой игрѣ проводятъ весь день съ утра до поздняго вечера. Радости дѣтей радуются и взрослые: это катанье дѣтми яицъ и ихъ ликованье при этомъ, по вѣрованію горцевъ-таджиковъ, есть прославленіе дѣтскими сердцами всемогущаго Худо-Парвардигор'а (Бога-питателя), Который милостивымъ взоромъ вѣчнаго покровителязираетъ на безгрѣшныя созданія—на дѣтей, и доволенъ, что они своею радостью чтятъ Его праздникъ.

А. Семеновъ.